

18+

Ирина Мюльская

Нинель, или Роль зонтика в судьбе

Ирина Июльская

Нинель, или Роль зонтика в судьбе

«Издательские решения»

Июльская И.

Нинель, или Роль зонтика в судьбе / И. Июльская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-535974-2

Кризис среднего возраста, помноженный на обстановку 90-х годов в России, как в зеркале, отразился на членах семьи Звонаревых. Нинель Звонарева «спасает» как может своих близких, главным образом, единственного сына Матвея, влюбленного в девушку с Черкизовского рынка. У бывшего любовника Нинель, Данилова, не лучше обстоят дела. Несмотря на высокое материальное положение и успехи в бизнесе, семья Даниловых тоже терпит крах. Интриги, психологические трансформации героев вызовут интерес читателей.

ISBN 978-5-00-535974-2

© Июльская И.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1 Семейство Звонаревых	7
Глава 2 Старая записная книжка	10
Глава 3 Голос из прошлого	12
Часть 4 Как предстать перед экс-любовником через двадцать лет	14
Глава 5 Как не запачкаться в метро	16
Глава 6 Преображение с GUCCI	18
Глава 7 Парень созрел...	21
Глава 8 Все под контролем	23
Глава 9 Как хорошо, что у меня сын!	25
Глава 10 И день настал	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Нинель, или Роль зонтика в судьбе

Ирина Июльская

© Ирина Июльская, 2021

ISBN 978-5-0053-5974-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Пролог

Они были московскими Ромео и Джульеттой начала 90-х годов, теперь уже оставшегося за поворотом истории XX века. Время, надо сказать, не самое веселое. Но и тогда люди встречались, люди влюблялись... Женились реже, чем в застойные, но все же случалось. Ромео был студентом пятого курса дневного отделения престижного ВУЗа и звали его Матвей Звонарев или Звонарь, как его окрестили дружки еще по школе, а Джульеттой была она – Лизочка Смирнова, девушка пока без корочки ВУЗа, который ей даже и не светил в силу тяжелых времен и бедности родителей. К своим девятнадцати годам ей пришлось сменить несколько работ, в пределах все того же рынка, приснопамятного Черкизона, торгово-криминальной империи Тельмана Измаилова времен Лужкова. Сейчас подзабываться стало, но сия пора уже намертво вписана в историю современной России и ее оттуда ни перфоратором, ни динамитом... Дети и молодежь 90-х, те, которым тогда было чуть за двадцать и которые уцелели от криминальных разборок, наркотиков и прочих атрибутов того времени. Поколение – «перекидной мостик», помнящее советскую школу, быт позднего периода застоя и волею судьбы или просто по дате своего рождения, оказавшиеся в самом аду дикого капитализма 90-х годов. Их, как щенков с едва открывшимися глазами, зашвырнули в это пекло. Тем, кто старше было еще труднее в силу застоя в мозгах и инертности, а порой просто неумения и нежелания принимать реалии новых времен «Перестройки» и встраиваться в менявшуюся на глазах жизнь накануне и после распада СССР.

Глава 1 Семейство Звонаревых

Впервые Матвей увидел Лизочку на рынке. Она тащила какой-то тяжелый тюк, а впереди шел вполне себе пустопорожний хозяин торговой точки. Это был представитель южной диаспоры, крепко вписавшейся в бизнес Москвы.

Девушка старалась не отставать от хозяина, огромная клетчатая сумка в ее слабых девичьих руках постоянно попадала под ноги покупателям, идущим навстречу тесным потоком, а они, в свою очередь, разглядывали товары, развешанные по верхам бесконечно-длинных торговых рядов и прилавков. Периодически раздавался зычный голос: – Ноги! Расступииись, задавляюю! Ноги, ноги! – И толпа рассекалась, давая дорогу толкателю тележки с товаром, затем вновь смыкалась и продолжала течь рекой вдоль рядов самого огромного вещевого рынка Москвы.

Девушка была худенькой, бледной блондинкой с прилипшими ко лбу прядками волос. Она заметно устала и тащила сумку двумя руками перед собой. Сумка была по ногам, ей было неудобно так идти, но она боялась, что не успеет за своим хозяином, который периодически поворачивался, чтобы убедиться, что она не отстала.

Матвей приехал на рынок по делу, а именно, купить к лету кроссовки и джинсы, но решил на время изменить свой маршрут, чтобы помочь девушке. Он вынырнул из толпы встречного движения и быстро приблизившись к Лизе, уверенным движением выхватил сумку из ее слабых рук. Он даже и опомниться не успел, как в ту же секунду рядом с ними возник хозяин. Перед лицом Матвея грозно сверкнули черные глаза на потной физиономии, с непроходящим даже зимой загаром. Из рта с гильзами золотых зубов вырвалось:

– Тебе че, жить надоело? —

Хозяин вырвал у Матвея клетчатую сумку и схватив парня за руку, что-то закричал на чужом гортанном языке, как вдруг словно из-под земли возникла стража в лице двоих здоровенных южан, один из которых больно ударил Матвея в грудь:

– Ты че, Чмо? —

Второй стражник ударил по ногам и свалил на грязный, весь в окурках, заплеванный рыночный асфальт, заломив руки Матвея за спину. Все произошло настолько стремительно, что студент и слова сказать не успел. Первый стражник наступил на руку Матвея, а другой ногой двинул в живот. Затем они подняли его за ворот рубашки с асфальта и поволокли через толпу, которая по-прежнему безразлично текла вдоль прилавков.

Приволокли Матвея в какую-то бытовку на окраине рынка, где ему досталось несколько крепких пинков от стражников и только выпавший из карманов брюк студенческий билет и несколько денежных купюр, которые он не успел потратить, спасли Матвея от обещанной угрозы сделать парня пациентом стоматологии. Деньги забрали, а студенческий вернули со словами:

– Чтобы тебя здесь не было. Увидим – уьдем. —

Домой Матвей приехал весь грязный, разорванный и без денег. В квартире была мать – Нинель, женщина сорока пяти лет достойная жена бывшего номенклатурщика Анатолия Звонарева – отца Матвея, тяжело переживающего современный Апокалипсис в стране, которую он преспокойненько строил всю свою сознательную жизнь еще со времен ВЛКСМ и которую он вместе с этой и другими властными структурами так бездарно сдал, оставшись у разбитого корыта. Подвела Анатолия Дмитриевича интуиция или чутье, проспал, вовремя не перестроился и семью обрек на свободное плавание среди обломков затонувшего корабля. Возможности иссякли, привычка жить хорошо осталась, а к какому кораблю на плаву пристать понятия не было. Анатолий Дмитриевич пребывал в грусти и затяжной горестной задумчивости, постепенно распечатывая стратегические запасы, неприкосновенно хранимые долгие годы, –

свой знаменитый бар, пополняемый когда-то благодарными посетителями его кабинета в райкоме партии. Вот это была жизнь! Тишь да гладь и Божья благодать. Главное, – не высовываться, не идти вразрез с генеральной линией, как делали все его предки, потомственные функционеры, благополучно пережившие и годы репрессий, и «Оттепель». Однако это и подвело Анатолия Звонарева, пересидел он в окопе, перестраховался и в цветущем возрасте мужчины сорока пяти лет потихоньку спивался в домашнем одиночестве.

То ли дело Нинель! Она и без того всю жизнь сангвиник, а теперь еще более активизировалась. Видимо, ее время настало. Она, без терзаний и тормоза робости с утра доставала огромный список телефонов «нужных» людей еще по светлому прошлому и обзванивала всех с целью пристроить мужа на работу. А он, запершись в спальне, дегустировал коньяки, джины, виски славных застойных времен и засыпал сном младенца, все заботы свалив на жену.

– Сыну повезло поступить в институт еще до коммерческих времен, скоро защитится, глядишь найдет работу и закрепится в этой жизни. – С этой, примиряющей его с действительностью мыслью, Анатолий с легкой душой пропустил еще стаканчик и сидя на диване незаметно уснул.

А у Нинель с каждым звонком становилось все гаже на душе. Список она составляла собственноручно. В начале шли люди приятные во всех отношениях, с кем никогда не было конфликтов, а лишь только добросердечные отношения, незапятнанные завистью, карьерным соперничеством и прочими вещами обыденными для номенклатурной среды, но такие люди, как правило, дрейфовали в низших эшелонах власти и так же, как они с мужем остались за бортом жизненного успеха, за редкими исключениями. Они искренне радовались звонкам Нинель, а особенно возможности понастальгировать по тем временам, когда были молоды, красивы и, как им казалось, счастливы. К этой категории относились, в основном, женщины: коллеги, сотрудницы Нинель по райкому КПСС, но у этих женщин были мужья, разузнать о них и было главной целью Нинель Звонаревой. Она осторожно задавала косвенные вопросы, интересовалась здоровьем мужей, подросших детей, чтобы узнать, чем они заняты на данный момент и каковы их успехи в новой жизни. Но Нинель не учла одного, что женщины эти были из одной с ней среды и, как она, умели вовремя почувствовать подвох или скрытый интерес собеседника. За годы работы научились всему и, как только речь заходила о главном, собеседницы или скучнели, или старались свернуть тему на тропу былых воспоминаний, что означало конец разговора. Лишь одна, Мария Павловна Буракова, серьезно постарше Нинель, с которой они бывало и вступали в обостренные отношения, смогла ей выдать на-гора общее положение дел у всех по фамилиям и должностям. Как ей удалось добыть столько полезной информации, Нинель так и не поняла. Самой Марии под шестьдесят, муж умер, детей не было, живет с сестрой, квартиру которой сдали в аренду. Так, что самой Марии Павловне от жизни уже ничего не надо, кроме здоровья. Она приспособилась. А наличие безгранично-свободного времени и безлимитного телефона в квартире помогло добыть для Нинель кучу полезной информации, так как с Марией бывшие коллеги охотно делились, они знали, что лично ей от них ничего не нужно, а язычки почесать хотелось каждой. Так постепенно и возник список положения дел у бывших коллег по райкому, а также горкому партии, в котором Мария Павловна проработала с молодости всю жизнь, до тех пор, пока некоторые коллеги не побежали с тонущего корабля. Кто-то публично сдавал партбилеты и пересаживался в кресла банкиров и бизнесменов, а кто-то припрятывал на «второе дно» чемоданов в надежде, а вдруг Оно вернется...

Когда Нинель позвонила, Мария Павловна пребывала в прекрасном, даже приподнятом состоянии духа, только что отобедав и насладясь блюдами, заботливо приготовленными сестрой, моложе ее на восемь лет и добровольно взявшей на себя роль кухарки и прислуги по уходу за старшей сестрой. Когда-то Мария помогла ей поступить в институт и прописаться в Москве. Ну, и дальше; на работу устроила, хоть и не в номенклатурные органы, а все же во вполне при-

личную организацию. Да и пайками или заказами к праздникам не забывала снабжать. Теперь наступило ее время заботиться о старшей, а та принимала ее старания, как само собой разумеющиеся и телефонная трубка не остывала в квартире Марии Павловны Бураковой. Поняв, чего на самом деле нужно сто лет не звонившей ей Нинель, она охотно стала делиться информацией, которую сама с регулярной периодичностью обновляла и могла поклясться за ее достоверность.

Благодаря этому, Нинель Звонарева получила все интересующее ее сразу и в одном месте, что весьма упростило и облегчило, поставленную перед ней задачу. В списке людей, нашедших себя в современной России 90-х годов, было несколько имен, в основном мужских, и Нинель после разговора с Марией Павловной решила сделать небольшую паузу, чтобы немного поразмыслив, приступить к самой вершине Айсберга.

Из пяти фамилий трое были в длительных командировках за границей, оставалось двое: Самохвалов, которому она ни за что не позвонит, потому что знает, что это бесполезно. Он всю жизнь ненавидел Толю, ненавидел молча, а узнать о том, что тот прозябает в тупиковой ситуации, так это все равно, что пролить бальзам злорадства на его завистливую душонку. Нинель сразу вычеркнула телефон Самохвалова из списка. Остался всего один – Валерка Данилов, их одноклассник по институту и ее бывший любовник, с которым у Нинель когда-то случился страстный, но кратковременный роман. Вспомнив о нем, Нинель Звонареву насквозь прошило бывшее и, казалось, пропавшее напрочь либидо. И куда все девается с годами... Валерка, теперь Валерий Николаевич высоко взлетел в бизнес-кругах, не олигарх, конечно, но лет через несколько, вполне возможно, станет таковым. Она как-то наткнулась на интервью с ним в одном из уважаемых изданий. Холеный, роскошный, уверенный в себе. Интересно было бы глянуть на его жену-ровесницу. Они как-то встречались несколько раз в общих компаниях. О, как давно это было! Хотя годы летят и двадцать лет пролетело, словно «Сапсан».

Глава 2 Старая записная книжка

С замиранием сердца Нинель стала набирать телефон Данилова, который, когда-то отлично помнила. В памяти сохранилось как Валерка сам записал свой номер домашнего телефона в ее записную книжку, тогда еще новенькую, недавно купленную в киоске Союзпечать на улице Горького, что рядом с издательством Известия. Она даже помнила где и как это было. На первом курсе. До этого он, как-то в спешке и, как показалось Нинель мимоходом, попросил номер ее домашнего телефона, а она шутя ответила, что скоро купит новую телефонную книжку, тогда и даст. Трудно понять женскую логику. Нинель помнила, как остановила его в одном из длинных институтских коридоров и с улыбкой спросила:

– Ты все еще интересуешься моим телефоном? – и не дожидаясь ответа протянула ему новенькую книжечку, в которой был записан ее номер. Это был подарок. А ему протянула вторую, такую же близняшку, купленную для себя, где он и записал свой телефон, таким образом у них были одинаковые записные книжки.

В тот день она набирала телефон Данилова еще неоднократно, но кроме протяжных гудков в трубке так ничего и не услышала. Закралось сомнение в правильности номера телефона. Пришлось даже долго разыскивать ту самую записную книжку, чтобы сверить номер с данным Марией Павловной. Для этого Нинель сняла с антресолей и перетряхнула содержимое хранимых годами старых сумок, кейсов и даже потертого чемоданчика, с которым покойный папа ходил в бассейн. И вот, нашла ее, свидетельницу своей студенческой юности. Потом, по долгу службы, им выдавали на работе канцелярские принадлежности: ручки, календари, ежедневники и записные книжки с партийной символикой очередных съездов партии, проходивших каждые четыре года.

Нинель надела очки и раскрыла свою старенькую записную книжку. Из нее выпал листок бумаги, а в нем засушенный полевой цветочек. Больше двадцати лет прошло, но он не утратил своего сиреневого цвета и еле уловимого аромата летнего русского поля.

На последней страничке есть стихи, которые Валерка посвятил ей. Она перечитала их и тихо вздохнула. Они тогда с Толиком сражались за ее сердце с попеременным успехом, а она, вся такая гордая и неприступная, умело манипулировала ими, чувствуя себя этакой Дульси-ней.

Эх, молодость, молодость! Нинель бросила взгляд в сторону зеркала, висевшего на стене напротив нее. Да, сорок пять. Она уже не двадцатилетняя русалка с осиной талией в мини юбке и бесконечно длинными ногами, но, как говорят в народе: «Сорок пять – баба ягодка опять!» Просто последние годы неудач подкосили ее, работать предлагают только за прилавком или уборщицей, на что-то более стоящее кандидатуры сорокалетних даже не рассматриваются. Естественно, она не пойдет ни за что на такую работу. После смерти отца сдали в аренду родительскую квартиру и дачу в Малаховке, на то и живут все эти последние годы. Они не голодают, на хлеб хватает, но как дальше жить, да и Толик спивается без работы...

Нинель, убедившись в правильности телефона Валерки, теперь Валерия Николаевича, стала крутить диск аппарата. Через три длинных гудка трубку взяли и на другом конце провода раздалось женским голосом: – Алло!

Нинель нажала на кнопку, говорить с женой Данилова ей совсем не хотелось. Она решила позвонить позднее, когда трубку снимет он, ее старая неспетая песня. Впрочем, не такая уж и неспетая! Встречались они в пору их краткосрочного романа в квартире ее покойного отца, когда тот был на даче в Малаховке и там же в Малаховке, когда отец был в Москве. Их роман прервался из-за заграникомандировки Валерия, с его поспешной женитьбой на Алевтине перед самым отъездом. Он был командирован в Африку по линии экспортной союзной организации на три года, потом командировку продлили еще на три года. Приходили письма на квартиру

отца. Она, получая их, тут же писала ответ и отправляла по авиапочте, благо в доме отца было почтовое отделение. Валерий иногда присылал ей посылки с французскими духами, красивыми шелковыми шарфиками и прочими милыми мелочами. Потом письма стали приходить все реже и реже, а с ними и бандерольки с подарками и сувенирами. Письма и пару фотографий Валерия из Африки Нинель хранила в квартире своего вдовствующего отца, которого совсем не интересовали эти амурные дела, он так ничего и не заметил, до конца дней своих. Перед сдачей квартиры жильцам, Нинель нашла эту пачку писем, перехваченную ленточкой, последний раз прочитала их, посмотрела на фото экс-возлюбленного и сожгла. Потом пожалела, – надо было перепрятать получше, чтобы в старости предаваться воспоминаниям. Мужу Нинель с тех пор ни разу не изменила. В семье подрастал сын Матвей, да и у Валерия дочь родилась там же, в Африке. На этом их история закончилась, а со временем и почти забылась. И вот опять... Интересно помнит ли он ее? Но чего не сделаешь ради мужа с сыном... И Нинель начала вновь крутить диск домашнего телефонного аппарата, набирая номер. Опять взяла трубку жена. Пришлось попросить кого-то из несуществующих в природе лиц. Ей ответили, что она ошиблась и положили трубку. Нинель пожалела, что не позвала к телефону самого Данилова: – Что за детский сад! – мелькнула мысль. И пришла идея; – А пусть муж сам позвонит и поговорит, все же они были когда-то друзьями, хоть и соперничали из-за нее.

Она поставила на плиту чайник и начала разогревать еду. Когда они всей семьей отужинали и сын скрылся в своей комнате, Нинель обратилась к мужу: – Позвони Данилову, у него собственный бизнес по поставкам рефрижераторов в жаркие страны, говорят разбогател. Попробуй, чего терять, вы когда-то дружили. —

Анатолий криво усмехнулся:

– Я тебя у него увел, забыла? Станет он помогать мне. —

– Ну, это когда было... он тоже женат и у него, кажется, дочь года на два-три моложе нашего Матвея. Алевтину его помнишь? Мы же провожали их тогда в Африку. – голос Нинель слегка дрогнул.

– Не буду звонить. Не хочу. – отозвался муж. Видела какой парень пришел? Кто-то отделил его по полной и деньги отняли. Беспредел полнейший. —

– Тебе нужна работа, Толик. Ты спиваешься. Сколько мы можем существовать за счет папиного наследства. Тебе сорок пять всего! – в сердцах бросила жена и вышла из кухни, закрыв за собой дверь. Анатолий сжал голову руками и так остался сидеть за столом их кухни.

Глава 3 Голос из прошлого

Вдруг раздался телефонный звонок. На их кухне был установлен параллельный аппарат, что в те времена было во многих квартирах, независимо от количества комнат и размера жилой площади.

– Кто бы это мог быть? – мелькнула мысль у Анатолия, прежде чем снять трубку. На другом конце провода он услышал тихий женский голос, который сразу узнал, хоть и не слышал его целую вечность:

– Привет! —

Сердце Анатолия скакнуло в груди и почему-то отозвалось в паху. Давно забытое, щемящее чувство юности:

– Она! —

Только она так немного грассировала – мягко, нежно. Голос с годами меняется, а ее совсем не изменился. Аля! Аленький цветочек!

Хмель вылетел из Анатолия и он лишь выдохнул в трубку:

– Аля? Цветочек аленький... —

В трубке воцарилось молчание, затем:

– На моем домашнем телефоне, на определителе сегодня несколько раз высвечивался твой номер. Что-нибудь случилось, Толя? – Ее голос был искренен и даже тревожен, как будто и не прошло больше двадцати лет...

Анатолий растерялся, затем, собравшись:

– Жена, наверное, звонила, ей что-то нужно от твоего мужа. Прости, я не очень в курсе. —

Они оба опять ненадолго замолчали. Затем голос в трубке произнес:

– Он в этой квартире почти не бывает, с некоторых пор живет отдельно. Запиши телефон. —

– Да, да сейчас. – Анатолий стал судорожно искать ручку и на чем бы записать. Под руку попала пачка из-под сигарет, на ней он и нацарапал номер, продиктованный Алевтиной. Наступила неловкая пауза, разговор дальше не шел. Она немного помолчала, затем попрощавшись, первой положила трубку, а он так и сидел какое-то время с трубкой в руке и лишь потом положил ее на аппарат.

В кухню вошла Нинель. Порозовевшая, она только что приняла душ и на ее голове выщался тюрбан из яркого оранжевого полотенца.

– С кем говорил? – спросила жена, ставя на плиту чайник.

– Звонила жена Данилова, оставила его телефон. —

Анатолий вынул из пачки Кент последнюю оставшуюся сигарету и протянул пустую пачку жене:

– Вот его номер. —

Нинель взяла с некоторой досадой, что ее высветил определитель, который она не заметила, но неприятное чувство, что ее разоблачили и поймали за руку, сменилось радостным волнением: – Данилов живет отдельно от жены... это даже интересно и многое упрощает. – В голове Нинель стали тесниться разные мысли, одна перескакивала другую, но привычный для нее рационализм взял верх:

– Посмотри на себя! Он уже давно не Валерка, да и ты не девочка. Он – Валерий Николаевич Данилов, гендиректор фирмы по поставкам рефрижераторов и еще до кучи всего за границу. Богатый человек, бизнесмен, мужчина в самом соку. Сорок пять – для мужчины расцвет! А вот для женщины... – и мысли Нинель Звонаревой потекли в направлении грусти быстротечности времени и бренности бытия. Что ж, Нинель Звонарева всегда твердо стояла на земле,

умела определять цели и добиваться их осуществления. Цель у нее была. Ей надо встретиться с Даниловым, а дальше как получится.

Для начала нужно составить план действий или, как минимум, два варианта плана. Она должна достойно выглядеть, чтобы не разочаровать экс-возлюбленного и свидетеля ее первой молодости. Задача не из простых. Нинель начала обдумывать в чем она пойдет на встречу с ним. Она так давно себе ничего не покупала! А фирменные вещи, купленные когда-то в Березке, все безнадежно малы. Она так поправилась дома сидючи... Ест немного, но эти перекусы: чай-кофе, бутерброды, а еще и со сладким грешит частенько. Нинель подошла к зеркалу и стараясь как можно беспристрастнее, стала осматривать себя. Из зеркала на нее смотрела сорокапятилетняя женщина со следами былой красоты. Нет, она еще не совсем вышла в тираж, о чем свидетельствует четкий и регулярный график ее критических дней, и как сказала гинекологша: – Держитесь за это, дорогая, если не хотите стареть. —

Но все же... волосы, лицо, зубы – все в приличном состоянии. В свое время ведомственная поликлиника, к которой она была прикреплена, хорошо помогла ей: врачи, аптека для номенклатурных работников, а также обеды в их райкомовской столовой, – вкусные, сбалансированные и за сущие копейки. А санатории, а путевки в дома отдыха с профсоюзными скидками! О, теперь о такой жизни только мечтать! Придирчивым взглядом на собственное отражение в зеркале Нинель нашла свое слабое место – шея! Она все портит. Сама виновата, всю жизнь любила читать, лежа в постели, вот и получите – «гармошку» на шее! И, не желая продолжать исследование собственного лица, Нинель отошла от зеркала, а в мозгу словно выстрельнуло: – Это ты еще тело свое не рассматривала при дневном свете. —

Нинель ухмыльнулась: – Ну, думаю, до этого и не дойдет! А если и дойдет, постараюсь, чтобы было не при дневном свете! – И она, сжимая в руке пачку из-под сигарет с номером телефона, удалилась в спальню, – по совместительству ее будуар, чтобы набрать вожделенный номер. Воскресный вечер, наверняка дома! Нинель, аккуратно переписав номер с помятой сигаретной пачки в свою записную книжку и отпив глоток теплого еще чая, начала набирать номер Данилова, но, к ее разочарованию, в этот вечер к телефону так никто и не подошел. – Может в командировке? – мелькнула мысль. – Или у любовницы? – потеснила ее догадка. – Хотя живет один... мог бы и к себе. Ладно, не буду гадать, завтра понедельник, но по моему гороскопу – счастливый день. Вот завтра и начну с утра. – успокоила себя Нинель. Она скинула шелковый халатик и легла под пуховое одеяло – подарок родителей на свадьбу. Легкое, из лилового атласа, оно прекрасно сохранилось. Мерзлячка Нинель блаженно вытянулась под ним и вдруг внезапно почувствовала прилив желания, давно забытого и, казалось, потерянного навсегда. Она даже улыбнулась и, как кошка потерлась спиной о простыню.

– Чтобы это значило? Толя пьет на кухне. В последнее время общение с ним на их супружеском ложе почти сошло на нет, а она еще молода, жива, хоть и совсем забыла о себе, как о женщине. Затворницей заперлась в квартире и все ее мысли и интересы свелись: муж-сыном! Нет, это неправильно, так не должно быть! Да, сорок пять, но до пенсии еще десять лет! Завтра пойду по магазинам и куплю себе дорогой импортной косметики, духов, схожу в салон! Жизнь не кончается в сорок пять лет! – и с этими мыслями Нинель Звонарева отошла ко сну.

Часть 4 Как предстать перед экс-любовником через двадцать лет

Утром следующего дня Нинель открыла глаза с первой же мыслью позвонить Данилову на работу. Муж спал в гостиной на диване, чтобы не отравлять винными парами воздух в спальне. Нинель не переносила запаха алкоголя рядом с собой. Она привыкла зимой спать при открытой форточке, а летом – при раскрытой балконной двери.

Откинув край одеяла, Нинель потянулась на кровати красного дерева из гарнитура, подаренного ее родителями. В свое время папа, будучи директором Райпищеторга, обладал обширными связями в торговых кругах Москвы. Мать всю жизнь не работала и имея филологическое образование, посвятила свою жизнь мужу и единственной дочке Нинель, тогда еще Закревской. Родители боготворили дочь еще и потому, что до ее рождения потеряли сына, одиннадцатилетнего Михаила, трагически попавшего в воронку водоворота деревенской речки, затянувшего его на дно. Нинель родилась, когда матери было уже под сорок, а отцу и вовсе под пятьдесят. Дочь стала для них настоящим спасением, а учитывая ее кукольную красоты личико с золотистыми локонами, голубыми глазками и ямочками на розовых щечках, в семье ее называли не иначе, как Ангелочек. Забалованная, разнеженная и всегда разодетая во все самое лучшее, Нинель с детства не знала ни в чем отказа. Выдавая дочку замуж, отец расщедрился и на кооператив, и на мебель с коврами и богемским хрусталем для новой квартиры молодоженов, что по тем временам было роскошью для избранных.

Сын уже ушел в институт, муж, судя по храпу, продолжает отсыпаться в гостиной и Нинель, сбросив с себя тонкую шелковую сорочку, направилась напрямик в душ. Проходя мимо большого зеркала, успела взглядом оценить свою, пусть и немного расплывшуюся, но еще такую привлекательную и женственную фигуру «песочные часы», хотя сейчас ей больше бы подошло определение «скрипка». – Надеюсь, до «виолончели» дело не дойдет, – внутренне усмехнулась Нинель, – и все же надо сбросить пару-тройку килограммов! Теперь, когда на ее горизонте опять возник Данилов, она должна воспрянуть духом и как знать... морально она уже готова возобновить отношения с ним, разорванные его отъездом в Африку и женитьбой на этой амебе Алевтине. И поделом он бросил и съехал от нее. Она всегда была не парой Валерке. И почему она сама сразу не вышла за него замуж, а предпочла Звонарева... Данилов красивее и темпераментнее. Она рано разобралась в том, что у многих женщин происходит гораздо позднее вступления в брак. А у некоторых и, вообще, никогда. Нинель поняла это сразу и уловила разницу между мужем и любовником с предпочтением последнему. Сердце забило в груди, как пойманная птичка, внезапно нахлынули старые воспоминания.

Нинель, надев водонепроницаемую шапочку с ромашками, включила душ на всю мощь и встала под его сильные тонкие струи. Вода под напором приятно била в спину, разгоняя по телу кровь. На этот раз она израсходовала на себя весь импортный бальзам, который берегла и экономно растягивала пользование им. Больно укололо осознание ушедшей молодости:

– Надо пройтись по магазинам, прикупить себе косметику и новую одежду, чтобы не разочаровать своего экс-любовника, когда предстанет перед его ясными очами почти через двадцать лет. И когда она будет в форме, только тогда и позвонит ему. Не надо торопиться, вдруг он сразу назначит ей встречу, а она не готова. —

Уже за утренним кофе Нинель с отчаянием вспомнила, что у нее совсем нет денег на приличную одежду, уж не на Черкизон, в самом деле, ехать за покупками... В голову пришло лишь единственно верное решение: – Она позвонит Эмме, жене коммерсанта, которому сдала свою квартиру, вернее, доставшуюся ей по наследству от родителей. Она возьмет у квартирантов

плату вперед за полгода, а оставшиеся деньги договорится разбить до конца года по месяцам с учетом аванса. Им должно хватить на питание и оплату коммунальных. Ну, а когда Толя устроится на работу, будет значительно легче. Сын на последнем курсе и скоро тоже начнет работать. Так, глядишь, и наладится их жизнь. —

Нинель, выпив кофе без сахара, посмотрела на настенные часы, которые показывали десять утра. Эмма Рабинович уже проводила сына в школу, самое время позвонить ей и назначить встречу.

Чета Рабиновичей с сыном Рафиком прибыла в Москву в конце 80-х из славного города Баку. Им повезло уехать до погромов, чем спасли себя, ребенка и деньги. Они успели благополучно продать бакинскую квартиру и на эти деньги отец семейства открыл бизнес по закупке товаров за границей, в основном, предметов одежды и обуви. Приехав в Москву, Ариэль Рабинович арендовал секцию под склад в огромном ангаре неподалеку от гостиничного комплекса «Измайлово», исторического места рядом с Серебряным и Виноградными прудами, где молодой Петр устраивал потешные бои с мечтами о морях для России. Когда агент по недвижимости, в лице хрупкой девушки Наташи, сообщила, что подыскала семью коммерсанта с фамилией Рабинович, то Нинель, кивнув головой в знак согласия, ответила, что лицам еврейской национальности сдаст квартиру не глядя. И она не прогадала, Ариэль Рабинович, или Арик, был преуспевающим коммерсантом средней руки, деньги у него водились, а семья и семилетний сын-школьник были тем надежным якорем, что удерживал на месте, не позволяя съехать с арендованной жилплощади за одну ночь. Квартира отца Нинель произвела на Рабиновичей заслуженное впечатление. Две большие светлые комнаты, просторная кухня, дом в тихом зеленом районе рядом с метро, приличное состояние недавно сделанного ремонта и милая в общении хозяйка, с которой Эмме захотелось сразу подружиться. Отцовскую громоздкую мебель было решено оставить жильцам, взяв с них честное слово аккуратно относиться к этим дубовым раритетам начала 20 века. Успокаивало то, что цельный массив дерева и дореволюционное качество работы краснодеревщиков выдержат арендаторов, а деньги, да еще и в долларах, Звонаревым ой, как нужны. Дачу в Малаховке побоялись сдать в круглогодичную аренду, а вот на лето по рекомендации знакомых, Нинель все же решилась. Это тоже помогало держаться на плаву, но одеваться, покупать себе что-то из фирменных вещей – для Нинель было не по средствам.

Трубку взяла Эмма. Быстро изложив суть вопроса, Нинель дожидалась ответа от жены коммерсанта. Та, немного помявшись, согласилась поговорить с мужем, когда он вернется с работы. Попрощавшись, они положили трубки. Выдохнув, Нинель позвонила в салон записаться к косметологу на чистку и массаж лица, а также другие процедуры, позволяющие отгонять от себя возраст. Нинель благоразумно решила потратить свою заначку на косметолога с парикмахером и педикюр-маникюр. Неожиданно ей перезвонили и предложили приехать в салон, у мастера образовалось «окно» и Нинель, не раздумывая, отправилась туда. Поехала на метро, всего-то две остановки в пути и рядом с выходом из подземки находится салон, когда-то под названием «Москвичка», а теперь сменивший вывеску на «Престиж». Это двухэтажное здание из стекла и бетона Нинель, в свое время, посещала с календарной периодичностью, были у нее и свои постоянные мастера с их домашними номерами телефонов, чтобы сразу можно было позвонить, если что-то срочно. Нинель с некоторыми сдружилась, но с приходом «Перестройки» и потерей работы всех растеряла и когда после долгого из-за безденежья перерыва пришла, чтобы «почистить перышки» и привести себя в порядок, из ее старых мастеров никого не осталось. Городская служба быта была реорганизована, салон приватизирован и сменил почти весь кадровый состав. Так Нинель и осталась без своего парикмахера, массажистки, маникюрши, что только усугубило ее вынужденный отказ от их услуг и, как следствие, потерю былого лоска, повлекшее значительное снижение самооценки.

Глава 5 Как не запачкаться в метро

Если хотите больше узнать о незнакомом вам городе, спуститесь в метро, поудобнее усадьтесь в вагоне от начала движения и в путь. Конечно, лучше не в час пик, а когда он минует и толпы едущих на работу рассосутся. Московское метро... романтическая атмосфера пятидесятых, когда все поголовно читали, буквально на ходу. Читать было модно и книги были нарасхват. Шестидесятые не менее романтические, когда в метро назначали свидания. Оно сверкало хрусталем светильников и поражало красотой не только приезжих, но и нас москвичей. Подземный дворец. Даже во время войны строительство метро не прекращалось! Идеальная чистота, свежий, прохладный воздух в летнюю жару и ласковое тепло в зимнюю пору. Помню уютную атмосферу на Смоленской с книжным прилавком на выходе, а на входе с соком, который продавщица выливала из трехлитровых банок в большие стеклянные, начищенные до блеска конусы. Сок был натуральный, без консервантов: яблочный, вишневый, сливовый, виноградный, томатный. На прилавке стояла солонка с солью и черный перец в перечнице. Стоило все настолько недорого, что люди не задумываясь лезли в карманы, а главное, вкусно и полезно. Пролетели семидесятые, за ними восьмидесятые канули в лету... молодые люди тех лет в начале девяностых уже заметно постаревшие, выглядят устало и уныло в московском метро, которое все больше стало напоминать русло реки с бесконечным потоком людей со всего бывшего Союза. Грязь, наркоманы на полу, вонючие бомжи, спящие на сидениях кольцевой линии... Сейчас все это уже в прошлом, метро опять засияло, открылись новые станции, люди могут спокойно сидеть на местах, не боясь подхватить чесотку или чего похуже. Но тогда, в начале девяностых это еще только впереди. Утренняя толчея, особенно на пересадочных узлах где вокзалы. Впрочем, весь город превратился в сплошной базар-вокзал. Люди, как груженные верблюды, тащат свои поклажи на стихийные рынки, возникшие рядом со станциями метро, делая проезд москвичей, спешащих на работу в свои офисы, институты, больницы настолько некомфортным, что многие тогда ставили чуть ли не целью жизни покупку автомобиля, чтобы не тереться и потеть по утрам и вечерам. Метро стало напоминать монстра, захватывшего в свое нутро людей, которых она, пожевав, выплевывало из своего грязного и душного чрева.

Матвей ехал в институт по своему привычному за пять лет маршруту – по кольцевой. Он знал, что сейчас на Комсомольской многие «груженные» выйдут для пересадки на красную ветку и двинут дальше до Черкизовского рынка, куда стекались за покупками все небогатые москвичи и гости столицы. Впрочем, там можно было купить и весьма неплохие и даже добротные вещи. Весь вопрос был в количестве дензнаков. По выработанной за годы привычке, Матвей стоял у самых дверей, нужно успеть выйти и пропустить всех этих мелких торговцев, в основном женщин, и постараться, чтобы они не проехали колесами своих тележек по его новым кроссовкам, за ослепительной белизной которых он так следил. Аккуратно подстриженный, чистенький студент, в белой рубашке с короткими рукавами и наглаженных брюках был светлым пятном в этом перегруженном людьми вагоне, словно спрессованными в банке кильками.

Поезд затормозил, Матвей привычным движением вышел из вагона и занял место у входа, не позволяя себя отеснить, чтобы вернуться и продолжить путь. Внезапно его взгляд, зацепившись, выхватил из толпы девушку, ту самую с рынка, помочь которой он вызвался, за что и получил по ногам от охранников, принявших его за вора. Девушка выходила из вагона. На этот раз ее руки были свободны, лишь сумочка на длинном ремешке через плечо. Матвей, не раздумывая оторвался от входа в вагон и устремился за девушкой, боясь потерять ее из вида, а тут, как на грех, какая-то тетка с тележкой проехала по его ногам и прощай первоздан-

ная белизна Adidas, купленных мамой в фирменном магазине центра Москвы. Вещь дорогая, но в их институте ребята придают такое значение фирме, что в поддельных – разве что на дачу. Вещизм захватил московских студентов. Матвей стыдился своей бедности, когда изображал срочную занятость, чтобы не свалить в кафе с компанией богатых студентов, все заслуги которых сводились к деньгам родителей, а сами они и по знаниям, и по успехам в спорте были на несколько шагов позади него. Он был гораздо успешнее их в этом.

Пропустив вперед несколько женщин с тележками, Матвей «ножницами» перемахнул через разделительный барьер, чтобы не упустить девушку, спешащую на эскалатор. Тогда он ее окончательно потеряет в этом людском море. Перепрыгнув через барьер, он срезал расстояние и теперь, когда девушка встала на движущуюся ленту эскалатора, у него появился шанс догнать ее. Парень стал торопливо подниматься вверх по ступеням, чтобы добраться до незнакомки. И вот, запыхавшись от крутого подъема, он поравнялся с ней. Встав рядом и немного переведя дух, не нашел ничего другого, чтобы сказать, улыбнувшись: – Здравствуй! —

Девушка тоже улыбнулась в ответ, по ее глазам Матвей понял, что она узнала его и обрадовалась.

– Как вы? Я так испугалась за вас тогда. – она назвала его на «вы»...

– Нормально, жив! – ответил он. – Меня ваши архаровцы приняли за ворюгу. – Он смущенно улыбнулся. Движущиеся ступеньки под ногами сложились и приняли плоское положение. Лестница эскалатора доставила их на поверхность, где толпа разделилась на две части: к выходу и на пересадку. Они влились в поток людей, спешащих на красную ветку. По пути, заметив небольшой пустующий уголок у гранитной стены, Матвей, не растерявшись, взял девушку за руку и через мгновение они вынырнули из потока и оказались в этой свободной от людей нише, где можно было просто стоять, не боясь быть затянутым в движущуюся реку из человеческих тел. Матвей протянул девушке руку:

– Матвей Звонарев! —

Она протянула ему свою:

– Лиза Смирнова. —

Ее рука была прохладная, несмотря на жаркую духоту метро. Они стояли, глядя друг на друга, вовсе не думая о том, что он безнадежно опаздывает в институт на первую пару, а ей надо ехать на работу, где она пробудет за прилавком весь день. Матвею пришла в голову отчаянно-счастливая мысль: – Поехать вместе с Лизой на рынок. Черт с ним, с институтом, он и так почти отличник и из-за одного прогула ничего не произойдет. —

Матвей, немного смутившись произнес:

– Лиза, а можно я с тобой поеду? Может помочь чем-нибудь смогу? —

Лиза, чуть порозовев от смущения, кивнула:

– Сегодня хозяина не будет. —

И они, взявшись за руки, опять нырнули в людской поток, как в реку, понесшую их в сторону Черкизона.

Глава 6 Преображение с GUCCI

Арик Рабинович вошел в положение Нинель, конечно, не без помощи молодой и красивой жены, которую любил и безмерно баловал. А за обещание подарить ему и дочь, был готов на все. Сама идея потратить деньги на преобразование Нинель нашла горячее сочувствие у молодой и прекрасной Эммы Рабинович, смертельно скучающей в стенах пусть и московской квартиры. Эта семья принадлежала к весьма отдельно выделенной группе еврейского народа – горским евреям или татам. Если бы не фамилия Рабинович, то их запросто можно было принять за азербайджанцев или просто кавказцев, особенно Арика. За столетия жизни на Кавказе произошла мимикрия и Арик в Турции был турком, в Иране – иранцем, в арабских странах... короче он использовал свою универсальную внешность повсюду с успехом для бизнеса. А Эмма, с ее миндалевидными влажными глазами-маслинами была прекрасна, как библейская Саломея, но не так коварна, а напротив, обладала душой романтической и мечтательной. За год она перечитала почти все книги домашней библиотеки родителей Нинель и находилась под впечатлением русской и зарубежной классики, относясь к литературным героям, как к реальным людям. Вкрадчиво поинтересовавшись, зачем вдруг Нинель одновременно потребовалась крупная сумма в долларах, она одобрила план хозяйки по восстановлению отношений с бывшим любовником и первое, что она сделала, – это раскрыла перед Нинель свой необъятный гардероб, набитый сверху до низу импортными тряпками. Нет, среди них были и весьма неплохие, привезенные Ариком из разных стран: Китая, Турции, Польши. Были и подарки родственников из Израиля, куда репатриировалась бабушка Эммы с семьей сына. Вещи были красивые и вполне достойные дам, но Нинель, обладавшая утонченным вкусом, мечтала не о удачных подделках, а о настоящем GUCCI. На свою беду, ожидая мастера в очереди салона и пролистывая лежащие на столике глянцевого журналы, она наткнулась на наряд от этого дорого элитного бренда, увидев который, сразу поняла, – именно так она и должна быть одета, когда явится к Данилову. От туфель до сумки. Нинель немного озадачило, что в модели преобладал красный цвет, а сумка и туфли из сине-фиолетовой замши, но в этом и была фишка, изюминка образа. Нинель незаметно вырвала страницу из журнала, где был указан магазин и артикул модели, которую, несмотря на заоблачную цену, она решилась приобрести.

Поблагодарив Эмму, щедро распахнувшую свой гардероб, с целью кое-что продать Нинель по сходной цене и крайне удивившуюся, что содержимое ее кладовой не произвело на хозяйку должного впечатления, Нинель, сжимая в руке долларовые купюры, заторопилась распрощаться и побыстрее уйти. Она решила поехать в магазин прямо сейчас, не заезжая домой, чтобы войти в желанный образ с глянцевой картинкой не откладывая, даже на день.

И вот, она в одном из центральных и дорогих магазинов Москвы. С волнением сердца спешит на линию, где согласно вырванной журнальной странице, находит вожаемую вывеску – GUCCI, переступает порог и оказывается в другом мире, – мире роскоши, о котором она мечтала всю жизнь, но так и не попала в него.

– Наверное, не в то время родилась. Эх, где мои двадцать лет! – успела мелькнуть отчаянная мысль в голове Нинель Звонаревой. И тут она почувствовала на себе взгляды со всех сторон: оценивающие и пронизывающие насквозь, словно пущенные стрелы.

Нинель внезапно ощутила себя Золушкой, на которой с боем часов роскошное платье превратилось в старые обноски и не где-нибудь, а прямо среди бала... Сердце сжалось. Она вдруг остро почувствовала боль и стыд за старую сумку и немодные, хоть и добротные туфли. А девушки-консультанты не торопились подходить и предлагать свои услуги, надеясь, что эта случайно забредшая к ним женщина, посмотрев на ценники, ретируется и быстро уйдет, поджав хвост.

Нинель набрала для смелости в легкие побольше воздуха и сама пошла навстречу к надменным, холеным нимфам GUCCI, с плохо скрытым пренебрежением наблюдавшим за ней в пустом от покупателей бутике. Ситуацию разрешила, появившаяся из какого-то неведомого пространства магазина, женщина, по возрасту близкая к Нинель.

Она подошла и с вежливой улыбкой поинтересовалась, чем может помочь покупательнице их магазина. Ее взгляд, голос и доброжелательное отношение вызвали в Нинель доверие, она раскрыла свою сумочку и протянула вырванную из журнала страничку. Женщина взяла и спросила какой нужен размер, чем ввела в еще большее замешательство Нинель, размеры GUCCI и ее собственный российский размер не совпадали. Женщина, на бейджике которой было указано: главный консультант – Лисицина Тамара Григорьевна, успокоила:

– Не стоит волноваться, пойдемте в примерочную. —

Они направились в примерочную, где Тамара Григорьевна самолично сняла мерки с Нинель и рассчитала ее размер в европейских стандартах. Оказалось, что на складе имеется всего одна модель, которая должна подойти по параметрам, только надо немного подождать и главный консультант Тамара Григорьевна проводила покупательницу в зал, где предложила присесть. Нинель с облегчением опустилась в мягкое кресло. Рядом на столике лежали последние каталоги GUCCI, но она их в руки не взяла, даже для вида. Такого унижения, что ей довелось сегодня испытать, она долго не забудет, но душу грело: – Деньги, доллары есть! Они лежат в ее сумочке и они реальны! —

Через несколько минут вернулась Тамара Григорьевна с девушкой-консультантом рангом пониже, которая ловко управляла выкатной вешалкой, где висел наряд, тот самый, что с вырванной рекламной странички. Там же стояли туфли и сумочка, все как из глянцевого журнала. Сердце радостно забилося, мечта материализовалось, она перед ней и ее необходимо примерить. Тамара Григорьевна оставила Нинель одну в примерочной, предварительно деликатно спросив, нужна ли ее помощь и получив отрицательный ответ, задернула шторы кабинки с логотипами GUCCI.

Нинель сняла с себя платье и, оставшись в гипюровой комбинации лучших времен ГДР, достаточно еще приличной и добротной, стала облачаться в настоящий мировой бренд, шурша шелковой подкладкой, расстегнула пуговицы с потрясающими воздушными петельками ручной работы. Изнанка изделия, и та была рукотворным шедевром! Нинель с замиранием сердца надела наряд и в зеркале не узнала саму себя. На нее смотрела дама из высшего общества. Конечно, не последнюю роль сыграла прическа лучшего стилиста салона «Престиж», только вчера сооруженная и хорошо сохранившаяся. Хотя за это не стыдно. Наряд пришелся впору, но необходимость сбросить пару килограммов была все же очевидна. Нинель прикинула: – За неделю, посидев на гречке с кефиром, она обретет нужную ей форму. Платье нужно брать! Это очевидно. Тонкий натуральный шелк приятно поглаживал тело и растекался по нему прохладными волнами. И пусть за это она отдаст все имеющиеся у нее деньги! Она столько отказывала себе в последнее время... Наступил ее час преображения, она достойна этого! – и Нинель решительно раскрыла шторы примерочной перед ожидавшей ее выхода Тамарой Григорьевной. По первому взгляду главного консультанта Нинель поняла, что ее выбор полностью совпал с оценкой специалиста, коим Лисицина, несомненно, была. Начинала она в Доме моделей на Кузнецком мосту, где одевалась советская номенклатура с семьями, богатая богема и люди со связями и деньгами, но настоящее место работы Лисициной означало значительный рост в ее личной карьере товароведки легкой промышленности. Тамара Григорьевна являлась профи со стажем и одобрила выбор Нинель, поздравив ее со стопроцентным попаданием в образ. Осталось только оплатить покупку. Трудность оказалось в невозможности принять наличными валюту у российской гражданки, но главный консультант легко перенаправила покупательницу в банк, находящийся здесь же в здании под одной крышей. Расчувствованная теплым отношением к себе, Нинель поспешила к выходу и довольно скоро вернулась с сум-

мой в рублях. Невыгодный обменный курс не смог испортить чудесного настроения Звонаревой и на выходе из бутика GUCCI под одобрительные взгляды нимф-консультанток, Нинель чувствовала за собой победу и радость от достигнутой цели. Все! Можно звонить Данилову и договариваться о встрече!

Глава 7 Парень созрел...

Матвей вернулся домой счастливым. Пожалуй, впервые в жизни. Нет сомнения, он влюблен в Лизу. Это как летний снег, говорят, что такое возможно в редчайших случаях, он и сам видел, когда ему было двенадцать лет. В Москве, в начале июня 1982 года прошла снежная буря! И подобное случилось с ним! Он весь день не отходил от Лизы, помогал чем мог: подносил-относил, покупал кофе с пирожками, натягивал тент и укрывал товар от нахлынувшей вдруг грозы. Они сидели вдвоем под куском целлофана и чтобы не промокнуть, тесно прижимались друг к другу. Новые, доселе незнакомые чувства, заполнили его и клокотали внутри с жаром юности. Ему скоро двадцать два, а у него еще не было девушки. В школе нравились время от времени кто-то из девчонок, но в дружбу, а тем более в ухаживания, отношения не переходили. В институте у парней-однорूपников, уже у многих, случались романы и сексуальный опыт, а он, как идиот краснеет, когда кто-то при нем рассказывает о своих донжуанских похождениях. Спорт и нагрузки помогают справляться с естественным для его возраста физическим желанием. Иногда в душе расслабляется, но кто не грешен... Матвею хотелось любви настоящей, а не эрзаца или соития по хмельному делу без обязательств. И ничего он с этим не мог поделать.

Некоторые девушки находят его симпатичным и даже красивым. Он высок, гибок и сложен. Волосы светло-русые, серые глаза, черты лица правильные, зубы ровные и белые. Сам он не любитель крутиться перед зеркалом, но очень аккуратен и опрятен, так приучили родители, особенно мама. Вот она была в молодости настоящей красавицей, да и отец ей под стать. О своей внешности Матвей думал мало, но даже Лиза сегодня обронила, что он симпатичный: – Было приятно. А она такая нежная, а эти ее завитки на затылке... От дождя у нее волосы закручиваются в золотистые локоны. Так и тянуло их потрогать, но он не посмел. А когда они прижавшись сидели под куском целлофана, пережидая дождь, ему так хотелось обнять ее за худенькие плечики. Ни грамма косметики на бледном тонком лице, не то, что девушки из их института, раскрашенные и разнаряженные, как куклы. Хорошо, что он на бюджетный успел поступить, квоты так резко сократили. Все годы учебы он был лучшим по успеваемости в группе на их курсе. Скоро защитит диплом... быстрее бы найти работу и забрать Лизу с этого рынка, а немного подзаработав и жениться на ней. От этих мыслей у него екнуло в паху... Созрел парень для взрослой жизни, осталось за главным, научиться добывать себе и будущей жене на жизнь. Как получит диплом, сразу работать. Мать отцу работу ищет, может и ему что-то подберет. —

А Лиза, придя с работы, пребывала в не менее счастливом расположении духа. Она летала: – Матвей, такой умный, воспитанный, красивый был весь день с ней: помогал, поднимал тяжести, приносил из палатки мороженое, которое они, смеясь ели... —

Она с трудом уговорила его не провожать ее до дома, это другой конец Москвы, Бескудниково. Он так много знает, столько книг перечитал, а она... Стыдно сказать, она и 9 классов с трудом закончила. Соседка устроила в магазин неподалеку от дома, но он закрылся, так она и попала на Черкизон с другими девчонками из их магазина. Сначала в палатке продавала пирожки и чай-кофе, дела шли хорошо, но хозяин сменил ее на более сговорчивую девушку, которая в благодарность, что он взял ее на работу, быстро сблизилась с ним. По сарафанному радио нашла работу продавца здесь же на Черкизоне. Поначалу смущало, что хозяин в ее присутствии говорит с соплеменниками на непонятном для нее языке, но его это совсем не интересовало. Она для него никто и что она думает, его мало заботило. Главное – выручка, за которой хозяин являлся сам или присылал своего родственника Азиза, парня лет двадцати пяти, которому на вид и тридцать пять можно дать. От его пристального взгляда у Лизы все сжималось внутри. Она заранее пересчитывала выручку и перехватывала тугую пачку купюр резинкой,

чтобы Азиз побыстрее ушел, но он всегда старался задержаться около нее и находил для этого разные поводы: то не там товар находится, то не весь выложен на прилавок. Лиза молча и беспрекословно все исправляла, но для придирок Азиз всегда что-то выискивал. Вот и сегодня хозяин за выручкой прислал Азиза, а тот, увидев, что она не одна за прилавком, грубо прикрикнул на нее:

– Ты чего, уже парней приводишь? У нас товар! Смотри, сопрет чего, будешь рассчитывать сама! —

Она соврала:

– Это мой брат. —

Матвей даже и сообразить не успел. Азиз немного успокоился, но Лиза поняла, что ненадолго. Надо как-то вежливо сказать Матвею, чтобы он был поосторожней и не приходил к ней часто на работу.

Соседка, продавец Таня успела заметить и шепнуть:

– Смотри, не буди в Азизе зверя. Он ревнует тебя. —

Она лишь тихо ответила:

– Какое он имеет право? —

Таня усмехнулась:

– О каких правах ты говоришь, девочка! Это Черкизон! Здесь свои законы и кто не соблюдает их, будет строго наказан. Хорошо, что ты придумала про брата, но этого хватит ненадолго. — и Таня многозначительно замолчала.

Дома, разогревая ужин, Лиза постаралась отогнать от себя мысли об Азизе, уж лучше думать о Матвее. Он дал ей свой домашний номер телефона, где на бумажке его рукой написано:

– Матвей Звонарев —

Лизе так захотелось позвонить ему прямо сейчас, но она не посмела:

– Пусть первый позвонит. — решила она и сев за стол начала ужинать. Мама приготовила макароны по-флотски, она любит это незатейливое эконом-блюдо. Родителей нет еще дома, но скоро должны прийти с завода, где оба всю жизнь отработали. Сейчас там перестали выдавать зарплату, хорошо, что у нее процент от выручки и она возвращается со смены с деньгами, на которые они и живут всей семьей. Она по дороге домой всегда заходит в магазин и покупает продукты. Вот и сегодня купила хлеб, молоко, крупу, консервы. Матвей сказал, что как только получит диплом, сразу устроится на работу и заберет ее с рынка. Станный... они так мало знакомы, а он уже думает о ней... и как сказать ему, что она сейчас главный кормилец семьи, своих сорокалетних родителей, которые по многолетней привычке утром встают и идут на завод, хоть там и не платят зарплату. И вздохнув, Лиза принялась доедать макароны.

Глава 8 Все под контролем

Нинель, взяв ручку, отметила на календаре дату, когда она позвонит Данилову – 16 июня. Это дата его дня рождения, юбилей сорок пять лет! Хороший повод, чтобы объявиться через столько лет..., а вдруг он куда-нибудь пригласит? Надо себя подготовить к этому. Выглядит она сейчас весьма неплохо, а GUCCI в ее шкафу, просто требует выхода в свет и будоражит кровь ничуть не меньше самого крутого афродизиака... Нинель сладко поежилась. Конечно, с ее реализмом в мозгу и жизненным опытом за плечами она прекрасно понимала, что эта юбилейная дата у г-на Данилова расписана, как по нотам и он не будет, что-то менять и перестраивать под нее. А быть статисткой среди шумного бала ей совсем не хотелось, поэтому и решила позвонить накануне – 15 июня. Оптимальный вариант. А если Нинель что решила, то будьте уверены, она так и поступит. Хорошо, что ждать осталось недолго, всего-то два дня! —

И вот настал этот день, 15 июня. Но телефон у нее домашний, а на дворе 1992 год! Мобильных нет еще и в помине. Не звонить же в 7 утра! Нинель представила, как она позвонит с утра пораньше Данилову домой, разбудит его... и это через двадцать лет! А, что если он спит в обнимку с молодой красоткой? Тогда своим идиотским утренним звонком она загубит все дело. Надо звонить вечером, это очевидно. Можно, на крайняк, днем набрать. И Нинель, закрыв глаза, погрузилась в грезы мечтаний. Она будила в себе былые воспоминания о встречах с Даниловым тогда, двадцать лет назад, на их даче в Малаховке и в квартире папы. Они были молоды и отчаянно влюблены, как казалось Нинель. Данилов был свободен, а она замужем за Звонаревым и уже родила Матвея, которому было года полтора-два. Он тогда был влюблен в нее, даже уговаривал развестись со Звонаревым, но она не хотела ничего менять в своей жизни и, конечно, не предполагала, что их роман так неожиданно прервется длительной командировкой Данилова в Африку с его скоропалительной женитьбой на Алевтине, девушке, возникшей ниоткуда и так вовремя подвернувшейся Валерию. Она не пошла на их свадьбу, прикинувшись больной. Это было бы слишком даже для нее – кричать им: «Горько!», да и Толик тоже не хотел идти. Они пришли лишь на проводы, совсем ненадолго заскочили к ним на Вернадского, где в их небольшую родительскую двушку набилось прилично народу. Она помнит, как в тесном коридоре Данилов незаметно подошел к ней, слегка приобнял и успел шепнуть:

– Я буду скучать... и писать тебе, любимая. —

У нее внутри все сжалось тогда. После этого они с Толей распрощались и быстро ушли. Потом были письма на адрес папы, посылки с сувенирами... Нинель вдруг вспомнила про шелковые шарфики... французские духи давно закончились, а шарфики – подарки Валерия еще живы и бережно хранятся. Каждый раз, находя их в ящике ее шкафчика, она вспоминает то время и на сердце теплеет...

Днем она решила позвонить на квартиру Данилова наобум, наудачу, что называется от фонаря... Набирая номер, крутила диск аппарата осторожно, боясь испортить дорогой маникюр, или, упаси Бог, сломать ноготь!

И, вот удача, трубку сняли, но никто не ответил и ей пришлось первой подать голос: – Алло! – это прозвучало, как сигнал, посланный в Космос, безо всякой надежды дожидаться ответа из его глубин. Но ответ все же последовал и голос явно принадлежал ее экс-возлюбленному Данилову. Несмотря на годы, голос не изменился, только тон другой: властно-торопливый и, как показалось Нинель, немного небрежный. Она отозвалась:

– Добрый день, Валера! Это Нинель Звонарева, помнишь еще такую? – Она заранее так долго раздумывала с чего начнет и вот, застигнутая врасплох, ничего другого не смогла сказать...

Он, немного помедлив, удивленно:

– Нинель? Ну, как же, помню. —

– И все же он куда-то торопится... – почуяла сердцем Нинель. Она продолжила:

– У тебя скоро юбилей, знаю, что заранее не поздравляют, но решила позвонить и сказать, что помню. —

Данилов после небольшой паузы:

– Да, спасибо. Я не любитель юбилеев, но отвертеться не удалось. Сначала планировали в ресторане, но решили перенести торжество в мой загородный дом. Это такая случайность, что ты меня здесь застала, особенно летом. Буквально на десять минут заскочил и вдруг звонок. Если надумаешь прийти с Анатолием, запиши номер моего секретаря, вас внесут в списки приглашенных. У нас пропускная система в коттеджном поселке. Записывай. – и он продиктовал ей номер телефона.

Нинель схватила со стола какой-то журнал и торопливо, вслед за Даниловым, стала записывать на нем номер. Затем он быстро попрощался и положил трубку, а Нинель еще долго приходила в себя. Такого Данилова она не знала: по-деловому конкретного и даже сухого. Весь день она была в раздумьях: – Воспользоваться телефоном и позвонить секретарю, или не стоит. С одной стороны, у нее теперь есть его служебный номер, добыть который было для нее удачей, ведь, как ни крути, главной целью выхода на Данилова было и остается трудоустройство мужа. Надо поговорить с Толей. Надо уговорить его воспользоваться приглашением на юбилей. А там дело само пойдет. – решила Нинель, немного успокоившись, – Как хорошо, что я купила себе GUCCI, не стыдно в люди выйти! – резюмировала она.

Глава 9 Как хорошо, что у меня сын!

Когда вечером Анатолий вернулся домой, что было редким случаем его выхода из домашнего заточения, Нинель не стала спрашивать где был муж. Она знала, что у него нет денег даже на проезд в общественном транспорте, вот до чего он так низко пал: – Хорошо хоть у сына студенческий проездной, что упрощает ему передвижение по городу. А жизнь дорожает с каждым днем и если бы не сдача в аренду родительской недвижимости, как знать, может и пришлось бы опуститься до продавца или еще хуже – уборщицы. —

От этих мыслей Нинель всю передернуло и она решила поговорить с мужем сразу после ужина.

Отужинав на пару с мужем в отсутствии сына, Нинель приступила к главному: убедить свою вторую половину пойти с ней на юбилей, а все разговоры на эту тему с их бывшим одногруппником, а теперь гендиректором «Русский мороз» г-ном Даниловым она возьмет на себя. Разливая по чашкам чай, Нинель как бы невзначай обронила фразу:

– Мы приглашены к Данилову на юбилей! —

Анатолий, отхлебнув глоток, удивленно поднял брови:

– Даже так? И как тебе удалось? —

Нинель, вздохнув:

– Нам нужно там быть. Юбилей лишь повод встретиться. Да, я дозвонилась до Данилова, он передавал тебе привет (соврала) и пригласил нас в свой загородный дом на торжество. —

Анатолий нахмурился:

– Не хочу. Нет у меня желания идти туда. —

У Нинель нервно задрожали руки и на груди появились красные пятна, предвестники надвигающейся гипертонии, которая стала беспокоить ее. Она почувствовала, как у нее внутри все закипает, еще немного и она взорвется: – С нервами и так проблемы. Легче передвинуть дубовый шкаф из папиного наследства, чем этого спивающегося дундука вытащить из дома. —

Нинель уже с нескрываемым раздражением:

– Толя, я не могу одна идти. Я замужняя женщина, у меня муж есть! —

– Я не мебель и не предмет обихода! Сказал не пойду! – уперся Анатолий.

В этот самый момент открылась входная дверь и вошел Матвей.

– Вот с ним и иди! – закончил разговор Анатолий и поднявшись из-за стола, вышел из кухни. Ничего не понявший Матвей, вопросительно посмотрел на мать.

– Мой руки и садись ужинать! – с командным тоном обратилась к сыну Нинель, пряча глаза, из которых готовы были брызнуть слезы. Надо сказать, что плакала Нинель редко, больше злилась в подобных случаях, которые стали все чаще в их с мужем отношениях. Пока сын мыл руки в ванной, Нинель накапала себе валерьянки в рюмку и выпила содержимое, с трудом сдерживаясь, чтобы и сыну сгоряча не досталось. Он стал так поздно приходить, на все вопросы отмалчивается. Обманывает, что задерживается в институте, она проверяла, все его друзья готовятся к сдаче диплома, защита на носу, а Матвей приходит домой только спать. Она поделилась с соседкой по лестничной площадке Мариной, тоже имеющей сына ровесника Матвею, они вместе гуляли во дворе, когда те были маленькими, ребята выросли у них на глазах. Марина, усмехнувшись ответила:

– Радуйся, что ночевать приходит. Мой давно на свободном выгуле. Хорошо, что звонит и предупреждает, когда не приходит на ночь домой. Твой-то парень предсказуемый, домашний. – Нинель тогда согласилась с ней, а сейчас мысли о сыне стали меняться:

– Да, был и домашним, и предсказуемым до последнего времени, но вдруг, как подменили. —

На этот раз Нинель решила не пускаться в расспросы и внутри себя согласилась с мужем:

– А, что! Это выход – пойти к Данилову с сыном. Ей за него не стыдно будет, парень он воспитанный, диплом скоро получит... может и ему с работой Валера поможет... —

Эта поворотная мысль решила все: – Она идет к Данилову с сыном! Прекрасный выход, а Толик с его убитым видом, только все испортил бы. То ли дело сын-красавец! А у Данилова – дочь! —

От хода дальнейших мыслей у Нинель слегка закружилась голова и она сама себе приказала: – Не торопи события, Нинель! Но и не плошай! – с улыбкой добавила она. И, положив на тарелку сына горячую отбивную с овощами, сменила гнев на милость, наблюдая, как он с аппетитом ест, не забывая, однако, умело использовать нож в правой руке.

– Какое счастье, что у нас сын! И чтобы я делала с дочерью! Одевать ее совсем было бы не на что! А парню: – кроссовки, брюки и хорош! Хотя, на юбилей надо пойти достойно одетым, под стать матери в GUCCI! – уже совсем успокоившись, подумала Нинель, – Добавки будешь? – спросила она сына с улыбкой. Он, согласно кивнул: – Спасибо, мамочка. Очень вкусно! Впрочем, как всегда! —

Глава 10 И день настал

Пожалуй, впервые за последнее время Нинель, едва положив голову на подушку, быстро отошла ко сну. Ей удалось достигнуть своей цели – дозвониться до Данилова и теперь в ее голове все разложено по полочкам, осталось только завтра с утра записаться у секретаря в список приглашенных. Она легко дозвонилась, трубку быстро сняли и молодой девичий голос на другом конце провода, представившись Екатериной, заученно прошебетал:

– Будьте добры, назовите свои фамилии, имена отчества и паспортные данные, а также номера автомобилей, на которых вы прибудете. —

Нинель метнулась к шкафчику с документами и продиктовала свои и сына паспортные данные, а про автомобильные номера, замявшись сказала, что еще не знает на какой машине они приедут. Секретарша все записала и сообщила, что торжество назначено на ближайшую субботу, т.е. 20 июня в 16—00, чествование состоится в поселке Жаворонки, что на Минском шоссе в двадцати километрах от Москвы и продиктовала адрес. У Нинель отлегло от сердца, она боялась, что им придется в спешке собираться, если юбилей состоится именно сегодня 16 июня, но вдруг вспомнила, как Валерий сказал, что этот день он проведет к кругу самых близких. Нинель вздохнула:

– А ведь в этом кругу могла быть и я... Эх, не на того ставку сделала! И почему? —

Звонарев подкупил ее своей простотой и наивной честностью. Конечно, провинциал, в Москве никого, но она решила, что в качестве мужа ей подойдет именно он, с ним удобнее и она имела власть над ним. А с Даниловым не так все просто, девушки засматривались на него всегда. Он фарцевал и у него водились деньги, которые он тратил на кафе, такси и модную одежду. Поговаривали, что и с женой своей Алевтиной Валерий познакомился в ресторане. Нинель не знала, что она там работала официанткой. Данилов тщательно это скрывал, но его женитьба и последующий скорый отъезд в Африку стер этот факт из биографии жены. Нет, ничего предосудительного в том не было, но кто мог подумать, что успешный красавец Данилов женится на простой официантке, да к тому же приезжей провинциалке! Москвички из состоятельных семей вздыхали по нему и вдруг такой выбор! Хорошенькая, но с ПТУшным свидетельством поваренка и в Москве ни кола, ни двора! Нинель с рождения жила в достатке за папой-каменной стеной и не придавала всему этому особого значения, ей казалось, что все появлялось само собой: и модные импортные обновки, косметика, французские духи, и дефицитные продукты в их холодильнике. По магазинам она не ходила, настоящей жизни не знала и знать не хотела. Это и подвело ее в какой-то степени, она выбрала тихоню Толика вместо энергичного и пробивного Данилова. И вот только сейчас осознала свою ошибку.

Папину машину она разбила несколько лет назад и ее пришлось продать на запчасти, поэтому прибудут они в поселок Жаворонки на такси. Еще одна непредвиденная часть расходов. О подарке юбиляру вопрос не стоял, на этот случай у Нинель надежно припрятан настоящий французский коньяк, его не стыдно будет преподнести Данилову. Качество отменное, еще в советские времена приобретен в магазине «Березка». Нинель выскользнула на лоджию, где был спрятан в надежном месте набор французского коньяка. В голове тревожно пронеслось: – Только бы муж его не оприходовал! – Она нервно начала перебирать какие-то пакеты в поисках коньяка и, наконец, достала с самого дна ящика вожделенную коробку. Коньяк, пролежавший несколько лет, был произведен и надежно запечатан во Франции, и его качеству ничто не угрожало. – Хоть с этим проблем нет. – успокоилась Нинель, – и сыну есть в чем пойти на юбилей. – Об этом она позаботилась заранее, так как ему предстояла защита диплома и выпуск. Еще зимой ей удалось случайно купить у знакомой очень хорошую пару итальянских туфель для сына. Отличная обувь из натуральной темно коричневой кожи. Знакомая приехала из Италии с подарком, но не угадала с размером и Нинель повезло купить их по номиналу.

У сына 44—45 довольно редкий размер, да и сам парень высокий. Брюки хорошие у него есть, а пиджак наденет отцовский из натурального югославского габардина, темно синего в тонкую светлую полоску. Толик его редко и по особым случаям надевал, сейчас такие стоят бешеных денег, шерсть стопроцентная и крой классический, прекрасный. Дорогая вещь, в ней хоть на дипломатический прием, а мужу он уже маловат. Рубашку она купила новую специально на защиту диплома. Галстук шелковый добротный имеется. В общем, есть в чем парню выйти в свет, не ударив в грязь лицом.

В назначенный день и час Нинель с сыном в такси подъехали к воротам коттеджного поселка Жаворонки. На въезде сидел охранник, который спросил к кому они, затем посмотрел в список приглашенных, и найдя их фамилии, поднял шлагбаум и пропустил такси на территорию поселка. Немного проехав вперед, машина остановилась перед глухим высоким забором, на котором был номер дома, указанный секретарем. Водитель вышел и позвонил в звонок на воротах, через минуту они плавно раздвинулись, открыв перед прибывшими нарядно убранную лужайку. В глубине участка виднелся большой трехуровневый дом. Там среди сосен стояли столы, покрытые скатертями и сервированные для приема гостей. Нинель увидела, как к ним навстречу спешит распорядитель торжества, женщина лет тридцати с блокнотом в руках. Она спросила их фамилии и удостоверившись, что они в списках, выдала карточки с указанием их мест за столом. Затем пригласила пройти по дорожке к дому, где уже были гости, обслуживаемые официантами с подносами. Нинель цепким взглядом выхватила среди нарядной публики виновника торжества Данилова, самолично встречавшего гостей. Молоденькая девушка, помощница распорядителя праздника, подвела Нинель с сыном к юбиляру. Данилов широко улыбнулся и на поздравления Нинель, слегка приобнял ее, а Матвею пожал руку. Он поинтересовался где Анатолий и услышав в ответ, что ему немного не здоровится, сказал:

– Жаль. Давно не виделись, но сын как вырос за эти годы! Прошу чувствовать себя свободно в моих пенатах. —

В это время к нему подошли вновь прибывшие гости, вереница которых текла потоком и все внимание Данилова переключилось на них.

Нинель окинула взглядом окружающих. Ни одного знакомого лица. Судя по всему, со старыми институтскими друзьями у хозяина дома давно потеряна связь. Из глубины усадебного участка доносились звуки небольшого оркестра, погода была прекрасной, на небе ни облачка. Вокруг пышно цвели кусты и затейливо сооруженные садовником клумбы с ароматными цветами. Все настраивало на праздник и приятное времяпровождение.

– Расслабься, Нинель и получай удовольствие, – сама себе дала установку Звонарева, – время еще есть и я не упущу своего! —

А Матвей чувствовал себя неловко среди незнакомых ему людей. Он уступил матери и пошел на этот чужой бал, хотя в эту субботу у них с Лизой был запланирован поход в кино, но мама тогда чуть не разрыдалась и надо было ее поддержать. Матвей окинул вокруг себя взглядом:

– Так вот как живут новые русские. Это птицы высокого полета. Далеко до них торговцам с Черкизона. —

Распорядитель через микрофон предложила гостям занять свои места за столиками. Матвей повел мать к столу. Нинель не без гордости отметила про себя, что сын унаследовал от нее красоту и хорошие манеры. Не прошли даром оплаченные уроки с репетиторами и поездки в Прибалтику, в Тарту, где летом студенты жили в университетском городке и слушали лекции самого Юрия Лотмана, преподававшего там. Матвей рассказывал, что они жили в прекрасных условиях, а за обедом на накрахмаленных скатертях их обслуживали официанты в белых перчатках. Эта поездка стоила Нинель почти всех денег, полученных за аренду дачи в Малаховке, но нужно прививать мальчику хорошие манеры в обществе, а не только дома с мамой на кухне. Нинель вспомнила, как мама-филолог учила ее этикету и как она искренне огорчалась, что

Нинель забросила серьезно заниматься английским, и это при матери, свободно на нем говорившей! —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.